

Полярная сова

Вьюгу бабочек белых
живою волною тепло
на холодные камни,
как будто весной, принесло.
В подвенечное платье
они одевали собой,
а потом собрались воедино
полярной совой.

Эта птица навывлет
пробила мороку мою.
Больше жить не могла я
у стылой реки на краю
и, стихи по камням рассыпая,
за белой совой
побежала, как нищенка,
вымолить встречу с тобой.
Мне, как ломтика свежего хлеба,

тебя не хватало –
точно в каменной груди
от чёрствого оголодала...

Над землёю за снежной завесой
своим чередом
увидала летящий без крыльев
серебряный дом,
и старик седовласый
сурово с крыльца поглядел –
строго-настрого мне за совою
ходить не велел.

Но к запретному небом
я шла, оступалась и шла.
И метелица снегом
меня в наказание жгла,
обвивала, душила,
в тяжёлых сугробах топя...
А когда я нашла тебя –
я оттолкнула тебя.

Ямы нашей разлуки
накрыли морозные льды –
никогда я не выплыву
из-под парящей воды.
Рукавицею белой
мне зябкую руку не мни,
не нашёптывай снова
про тёплые летние дни:
как старинные кости,
они в мерзлоте омертвели –
серой пылью осыпались,
высохли, окаменели...

А сова подвенечное платье
надела сама.
Проливными дождями умылась
былая зима.
Облетевшие крылышки
с берега смыла вода.
Побережные камешки –
только следа, что слюда.
Этой гальки беспамятной
полную горсть набери –
вместо сердца холодного
юной жене подари.

Фиолетовый клубок

В поле бескрайнем,
где осени без промежутка,
выцветшая трава
безнадёжно пожухла,
ветер сквозит,
бесконечно дожди моросят...
Тёмные низкие тучи
над полем висят,
да не обычными
облачными клоками,
а фиолетовыми клубками.
Если не вовремя
створки душа разомкнёт,
спицу вязальную
осень в неё протолкнёт...

Только увидела –
пережитое былое
снова мне сердце пронзило
тупою иглою.
Сели и заговорили

наперебой
на табуретках,
опять принесённых тобой.
Милая женщина
рядом с тобою стояла –
тайной тревоги мучительной
не выдавала,
только по слову неслышному
чуть погоя
ветер слегка отодвинул
завесу дождя,
чтобы заметила,
как небеса облекали
наши сердца
фиолетовыми клубками...

Ветру студёному
крылья души непокорны.
Те табуретки пустили
глубокие корни,
и дождевые,
бессильные нас поменять,
нити живые
окутали сердце опять.
А улетели,
как сброшенная листва,
по ветру лишь невесомые
наши слова:
только своею рукою
к твоей повела –
милая женщина
снова тебя увела...

Заново мы повстречались
единого ради –
освободиться

от фиолетовых прядей,
да не раздвинулись
тёмные облака,
и табуретки к земле
приросли на века.
Если потянешься вновь —
не чурайся порыва.
Здесь очень ветрено.
Очень дождливо.
Но живо.

Опять среди
безделиц неприметных
напокупала
ручек разноцветных:
красны да зелены,
а не черны...
Так почему
стихи мои грустны?

Перевёл с коми Андрей Расторгуев